УДК 392.4 + 392.5

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-169-178

Матрилокальная, пространственная и религиозная символика в традиционной свадебной обрядности у тувинцев и бурят в конце XIX – начале XXI века

В. В. Лыгденова¹, Е. Г. Батонимаева²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу символов свадебной обрядности, связанных с архаичными матрилокальным культом и культом огня, пространственными и религиозными традициями у тувинцев и бурят. В исследовании применялся сравнительно-этнографический метод, в рамках которого символы рассматриваются и сравниваются в синхронном и диахронном срезах. В работе представлено единство кочевнического семейно-родового уклада на примере сходства свадебных традиций тюркских и монгольских народов. Выявлены взаимосвязи матрилокальных, пространственных и религиозных символов со свадебной обрядностью у тувинцев и бурят как в прошлом, так и в настоящем. Сходство многих элементов свадебного обряда определяется кочевническим укладом и идеалом семейно-родового строя тувинцев и бурят, территориальной близостью к тюркским народам у баргузинских бурят и к Монголии у южных тувинцев. Более поздний, в сравнении с другими бурятскими регионами, приход буддизма в Баргузинскую долину и в Туву стал причиной сохранения архаичных культов шаманизма.

Ключевые слова

Сибирь, буряты, тувинцы, свадебная обрядность, культ матери, символика пространства, шаманизм, буддизм, религиозный синкретизм

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания № 0329-2019-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения», а также государственного задания № 121031000302-9 «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – начала XXI в. в контексте межцивилизационного взаимодействия»

Для цитирования

Лыгденова В. В., Батонимаева Е. Г. Матрилокальная, пространственная и религиозная символика в традиционной свадебной обрядности у тувинцев и бурят в конце XIX – начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 169–178. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-169-178

Matrilocal, Areal and Religious Symbolic in Traditional Wedding Rituals of the Tuvans and Buryats in Late 19th – Beginning of 21st Century

V. V. Lygdenova¹, E. G. Batonimaeva²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstracts

Purpose. The purpose of the paper is to reveal archaic matrilocal and the cult of fire, areal, shaman and late Buddhist symbols in wedding traditions of the Buryats and Tuvans. A comparative ethnographic method is applied in the re-

search according to which the symbols are considered and compared in terms of synchronic and diachronic aspects. The paper is current due to representation of unity of nomadic family-tribal orientation based on the example of similarities in wedding traditions of Turk and Mongol peoples. High interest in wedding rituals in traditional society is connected with religious and magical elements that represent praying to local spirits for tribal development and safety.

Results. As a result, the authors come to the following conclusions: firstly, similarity of many elements of wedding ceremonies is defined by nomadic traditions and ideals of a family tribal structure by northern Buryats to Turk peoples and southern Tuvans to Mongolia. Secondly, the late arrival of Buddhism to Barguzin valley and Tuva was a reason of preservation of archaic cults of shamanism.

Conclusion. In summary, it is important to note that comparative analysis of wedding traditions among the Tuvans and the Buryats helps to reveal historical evolution and transformation not only in wedding traditions but in their traditional world view in general. Similarities in diachronic elements of the ritual show unity of many cults that point to tight interactions between the Tuvans and the Mongols, Buryats and the Turk neighborhood. For instance, archaic cults of mother and fire are similar among the Tuvans and the Buryats. Many Shaman and Buddhist cult symbols do not change in Tuvanian and Buryat culture because their philosophies have not been changed on their corresponding territories for a long time. To conclude, comparative research of wedding traditions of Turk and Mongol peoples offers rich material for future research of historical evolution of many cults because the wedding, as one of the most important stages in humans' life, is always connected with religious rituals of initiation, safety and sanctification.

Keywords

Siberia, Buryats, Tuvans, symbols of wedding rituals, Mother's cult, areal symbolics, Shamanism, Buddhism, religious syncretism

Acknowledgements

The research was carried out as part of the State assignment of FASO Russia (project no. 0329-2016-0006 "Symbol and Sign in the Culture of the Peoples of Siberia in 17th – 21st Centuries: Actualization and Conservation Strategies") and State assignment of FASO Russia (project no. 121031000302-9 "Monuments of scripts of the peoples of Russia and Inner Asia in oriental languages and archival documents of the 18th and early 21st centuries in the context of intercivilizational interaction")

For citation

Lygdenova V. V., Batonimaeva E. G. Matrilocal, Areal and Religious Symbolic in Traditional Wedding Rituals of the Tuvans and Buryats in Late 19th – Beginning of 21st Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 169–178. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-169-178

Введение

Свадебные традиции являются одними из наиболее древних обрядов, которые на протяжении долгого времени сохраняют архаические значения и символы. Изучение религиозных символов в свадебном обряде бурят и их соседей тувинцев при использовании сравнительного метода позволяет проследить историю возникновения, развития и трансформации архаичных культов в родовой общине у монгольских и тюркских народов Сибири. В представленной статье проводится структурно-сравнительный анализ символов свадебной обрядности у баргузинских бурят (северо-восточная территория Республики Бурятия у оз. Байкал) и тувинцев, проживающих на южной (в Монгун-Тайгинском и Эрзинском районах) и северо-западных (в Сут-Хольском, Каа-Хемском районах) территориях Республики Тыва. Это отдаленные от центров республик северные районы Бурятии, южные и западные районы Тывы. Именно там до сих пор сохранились архаичные элементы обрядовой традиции. Цель работы – выявление архаических (матрилокальных и культа огня), пространственных, шаманских и более поздних буддийских символов в свадебных ритуалах бурят и тувинцев. Актуальность исследования связана с тем, что представленный сравнительно-этнографический подход позволит выявить символику такой обрядности, характерную как для монгольских, так и для тюркских народов. Новизна исследования заключается в проведении сравнительно-этнографического и структурно-символического анализа свадебной обрядности у этнолокальных групп бурят и тувинцев.

В нашем исследовании, согласно концепции Ю. М. Лотмана [1996. С. 147–148], предпринята попытка выявить основные ранние формы культов – культ матери, огня, шаманские культы и более поздние – буддийские. Для выявления процессов эволюции символов и категорий в контексте свадебных обрядов использовались также методологические разработки Н. Л. Жуковской [1988]. Схожие методологические принципы использованы в работах си-

бирских ученых, где символы рассматриваются как элементы изучаемой этнической культуры тюркских народов Южной Сибири [Сагалаев, Львова, 1990].

Выбор для анализа этнолокальной группы баргузинских бурят определен тем, что, как и в Туву, буддизм на территорию Баргузинской долины пришел позже, чем в остальные регионы Бурятии. Вследствие этого в обрядах баргузинских бурят сохранилось больше архаических элементов и символов, чем в традициях людей, проживающих ближе к границе с Монголией или Китаем, где буддизм повлиял на обрядовые традиции гораздо сильнее. Например, лишь концом XVIII – началом XIX в. датируется появление лам в Баргузинской долине и в Туве, тогда как в Селенгинском районе Бурятии уже в XVII в. строились буддийские храмы-дацаны. В Туве буддизм начал распространяться только в XVIII в. [Монгуш, 2016].

Работа опирается на комплекс источников: полевые материалы, собранные нами во время экспедиций в Баргузинский и Курумканский районы в 2012–2018 гг. (интервью, анкетирование) и во время встреч с информантами из Республики Тыва на межрегиональных культурных фестивалях (Всероссийский Буддийский Ретрит в с. Заречье, Кабанский район, Республика Бурятия, 2019 г.), а также архивные материалы, полученные в ходе изучения фондов ГАРБ (Фонд Баргузинской Степной Думы) и ГАИО (Фонд М. П. Хангалова).

Матрилокальные символы в свадебной обрядности

Символы, связанные с древним культом матери, как наиболее архаичные ярче всего проявляются именно в свадебных обрядах. Согласно информанту И. Г. Посходиевой и ее матери Э. З. Гомбоевой, в старину не девушка выходила замуж, но жених приезжал к ней и оставался жить. В то же время муж мог в любое время уехать на неопределенное время погостить у своих родителей и родственников. Об этом же пишет Г. Р. Галданова: «Легенда баргузинских бурят гласит, что в былые времена “замуж” отдавали сыновей. Однако они не могли долго жить в семье жены и в силу своего неумного характера (бур. *муу зантай муухайнгаа тулөө*) возвращались обратно» [Галданова, 1986. С. 135].

О трансформации древнего обычая переезда жениха к невесте у бурят информанты говорят в связи с символом сундука – девичьего приданого. «Жена не могла просто так уйти за уехавшим на свою родину мужем, потому что в сундуках у нее было много одежды и дорогого приданого, в том числе драгоценности, сундуки были тяжелыми. К тому же куда уйдешь с детьми?», поэтому было решено, что лучше жене переезжать к мужу (ПМА: И. Г. Посходиева). Г. Р. Галданова отмечает, что сундуки для приданого невесты у баргузинских бурят мастерил ее отец. Изготовленных без гвоздей сундуков около 1,8 м в длину было, по крайней мере, два. После смерти мужа и жену могли положить в эти сундуки для захоронения [Галданова, 1986. С. 135]. Здесь прослеживается взаимосвязь символа сундука – приданого невесты, и погребального обряда. Другим символом, связанным с матрилокальностью, был обычай надевать на жениха легкий нарядный шелковый халат при его приезде в жилище невесты накануне свадьбы. Символ такого наряда-халата указывает на обряд инициации, т. е. принятия жениха в родовую общину невесты (ПМА: И. Г. Посходиева). Еще один немаловажный факт: у баргузинских бурят родственники жениха готовят для него постельные принадлежности (бур. *шэрдэг*) (ПМА: И. Г. Посходиева), что, несомненно, также указывает на матрилокальные традиции.

Известный тувинский этнограф Ю. Л. Аранчин отмечал, что при существовании матрилокального брака у тувинцев жених переезжал к невесте и поселялся в ее юрте. Но когда тувинцы перешли к патрилокальному браку, изменился и обычай – невеста стала приезжать к мужу и жить в собственной юрте на его стороне. При этом юрта, ее обстановка и скот не были приданым, а являлись собственностью, сохранявшейся у женщины пожизненно [История Тувы, 1964. С. 314]. Таким образом, символ юрты у тувинцев оказывается тесно связанным с культом матери и матриархальным укладом в древнем общинно-родовом сообществе. Отметим также, что шест, стоящий в основании юрты, подаренной отцом невесте, в после-

дующем, после ее смерти, в процессе погребения укладывался рядом с невестой [Кисель, 2009. С. 30].

Характерной особенностью для матриархального типа взаимодействий в родовой общине тувинцев и бурят является особая роль в свадебном обряде дяди по матери – *нагаса* (бур.) и *тай* (тув.).

У бурят на всех этапах свадьбы *нагаса* для невесты и жениха является наиболее почитаемым членом рода: он участвует в сватовстве жениха, помогает материально с подготовкой приданого для невесты, участвует в установке коновязи во время свадебного обряда, за столом его усаживают на наиболее почетное место и т. д.

Аналогичную роль дядя со стороны матери играет в свадебной традиционной обрядности тувинцев. Л. П. Потапов пишет, что матриликальный брак восходит корнями к групповому браку. Это свидетельствует о господстве у далеких предков тувинцев материнского рода, основанного на материнском праве. Аванкулат служит веским доказательством пройденной стадии материнского родового строя. Наличие его следов у тувинцев говорит об этом же. Следы аванкулата проявляются, например, в том, что тувинцы считали в старину (а некоторые считают и сейчас) родственников по линии матери более близкими, чем по линии отца [Потапов, 1969. С. 233]. Это нашло отражение в некоторых тувинских поговорках: «Увидев дядю по матери, племянник радуется, увидев гору, (преследуемый) волк радуется». Информанты также подтверждают значимость родственников по материнской линии, которая прослеживается в словообразовании: к наименованиям родственников по материнской линии часто добавляется лексема «авай» – тув. дорогой, любимый (ПМА: Х. С. Санчай; Д. А. Ондар). По мнению Ч. К. Ламажаа, значимость кровнородственных связей для тувинцев, и в целом для скотоводческих народов, связана с тем, что кочевки производились большими семейными группами. Поэтому наиболее важные социальные связи выстраивались по кровнородственным линиям [Ламажаа, 2013. С. 122].

Таким образом, матриликальные символы, являющиеся отражением установок архаического матриархального общества, характерны как для бурятской, так и для тувинской свадебной обрядности – кровные связи ставились на первое место, а брачные узы оставались на втором плане. В настоящее время структура и содержание свадебной церемонии у баргузинских бурят и у тувинцев всё еще сохраняют архаические значения, на которые накладываются новые, связанные как с религиозными верованиями, так и с символами пространства. Их анализ позволит сравнить и определить единую структуру символов в традиционной культуре бурят и тувинцев.

Символы пространства в свадебной обрядности

Можно выделить следующие наиболее важные символы пространства у бурят и тувинцев: юрта, коновязь, очаг.

Юрта играет немаловажную роль не только как символ, несущий матриликальное значение (у тувинцев принадлежность юрты невесте), но имеющий и символику пространства, поскольку является местом совершения обрядов: сватовства, девичника, надевания свадебного убора невестой и женихом, свадьбы. В юрте обязательно должны присутствовать алтарь (место с буддийскими или шаманскими изображениями), на который возлагают подношение, место для очага (огню как хранителю жилища также предназначается ритуальное подношение – топленое масло у бурят и жир у тувинцев), стол, на котором всегда должно быть угощение, в том числе и «белая» пища, занавеска для молодоженов (бур. *басаганай ураага хушээгэ*, отделяющая их кровать в юрте) у бурят.

В день свадьбы у бурят, в отличие от свадебных обрядов у тувинцев, проводился обряд установки коновязи (бур. *сэргэ*), который относится к архаичной пространственной символике. До рассвета отец жениха, дядя со стороны матери жениха (бур. *нагаса*) и родственники мужчины по линии отца жениха (бур. *абга*) устанавливали возле дома родителей жениха ко-

новязь. Для этого копали ямку для *сэргэ*, куда клали монеты, зерно, кусочки мягкой овечьей шерсти (бур. *нооһон зоол*), брызгали на дно водку – символы богатства, достатка и благополучия новой семьи. На *сэргэ* делались зарубки по порядку женитьбы сыновей. Для сына, который женился первым, на *сэргэ* делалась одна зарубка (бур. *табсан*), для второго – две зарубки и т. д. По таким коновязям с зарубками легко можно было посчитать, сколько сыновей женилось в этой семье. Изредка устанавливали коновязь и для дочери, но, как правило, на ней не делались никакие зарубки. При установке *сэргэ* произносились благопожелания (бур. *үрээл*). Этот ритуал проводился в советское время и в настоящем соблюдается повсеместно.

Роль коновязи у тувинцев также тесно связана с созданием новой семьи, так как она устанавливается возле юрты новобрачных. В тувинском фольклоре часто упоминаются конь и коновязь. Согласно информантам, конь для тувинца всегда являлся самым лучшим и ценным другом (ПМА: Х. С. Санчай). В разговоре с другим информантом нам удалось записать короткую песню жениха, который на коне встречает невесту на перевале и затем вместе с ней и ее родственниками направляется на празднование свадьбы у родственников жениха:

*Дуруг баары козулбейн тур,
Туман дуглай бергени ол бе?
Дундаа-карам козулбейн тур,
Тумалайлан алганы ол бе?*

Собрался я в трудный путь в поисках своей невесты.
Туман застилает дорогу.
Невеста моя покрыта тумалаем¹,
Так что не могу ее увидеть²
(ПМА: Д. А. Ондар).

Сходство в семантике символов пространства и их роль в свадебной обрядности у бурят и тувинцев проявляется в бытовых функциях: юрта для новобрачных, установка коновязи для новой семьи, подготовка приданого – внутреннего убранства юрты, очаг как средство для приготовления пищи и т. д. В то же время все эти символы имеют потустороннее значение, поскольку незримо связаны с сакральными духами-защитниками семейного благополучия, без которых немыслим кочевнический образ жизни, – огнем, лошадьми, жилищем и т. д.

Символы, связанные с архаичным культом огня

Как у бурят, тувинцев, так и у других народов Сибири одной из наиболее древних, характерных для шаманизма и традиционного мировоззрения в целом, является символика огня, которая существует и в свадебной обрядности. Культ огня нашел отражение во всех обрядовых свадебных этапах. Например, при передаче калыма у баргузинских бурят родителями невесты проводился обряд «поклонение огню» (бур. *гал тайлга*), где жених выказывал почтение огню – хозяину дома, и родовым покровителям невесты – онгонам. То же самое происходило и при приезде невесты в дом жениха. Зайдя в дом родителей жениха, невеста должна была подойти к очагу и поднести куски жира огню, а также (размером с ладонь) свекру в знак уважения и почитания новых покровителей. Матери жениха она обычно дарила шелковый платок, в который клала серебряные монеты, кораллы. У баргузинских бурят рода шоно (бур. волк) был также обычай расстилать на матрасе недалеко от очага женскую шубу из волка, что указывало на почитание родового тотема (ПМА: И. Г. Посходиева). Согласно сведениям информантов, в бурятской обрядовой традиции «угощать» огонь могли сваты и гости.

Обряд подношения огню соблюдается также и у тувинцев. У них огонь являлся олицетворением богини-покровительницы семьи – девы-богини огня (тув. *От ээзи кыс кижси*), кото-

¹ Свадебная праздничная нарядка невесты у тувинцев. – В. Л., Е. Б.

² Ассоциация с потусторонним миром. – В. Л., Е. Б.

рая состоит в одном пантеоне с древнетюркской богиней плодородия Умай [Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 89]. Одновременно с этим у тувинцев огонь является олицетворением творческого начала и именуется создательницей, творцом (тув. *чаякчы*) [Традиционная культура тувинцев..., 2002. С. 82]. Например, на следующий день после свадьбы проводился обряд «торел», или «алганып беер», когда для снятия запрета общения невестки со свекром и старшими родственниками мужа она должна была сначала угостить молоком в своей юрте мужа и его родителей, а потом выйти и угостить собравшихся у юрты родственников. После угощения и получения поздравлений-благопожеланий невеста заходила в юрту и подносила молоко огню, а остатки брызгала в дымовое отверстие, прося о благополучии в семейной жизни. Еще одну чашку молока она ставила перед бурханами [Потапов, 1969. С. 242]. Но на западе Тывы (в Сут-Хольском и Каа-Хемском районах) только хозяева очага могли проводить обряды поклонения и угощения огня (ПМА: Х. С. Санчай).

В целом культ огня, символизирующий хозяина дома, является общим для многих народов Сибири, и обряды, связанные с огнем, непременно присутствуют в свадебных традициях тувинцев и бурят.

Шаманские символы в свадебной обрядности бурят и тувинцев

Согласно философии шаманизма, жизнью всех живых существ на земле управляют духи-хозяева определенной территории и мира. Свадьба являлась одним из важнейших этапов жизненного цикла человека, поэтому угощение духов местности представлялось чрезвычайно важным элементом свадебного обряда. В обычаях подношения как главного угощения проявлялся символ водки (бур. *архи үргэхэ*) или молока (бур. *һү үргэхэ*). В начале каждой части свадебной церемонии старейшина разбрызгивал молоко и водку на открытом воздухе для умиловления и почтения духов местности. До сих пор на свадьбе первые кусочки лакомой еды дают духам местности, преподнося их в качестве угощения на четыре стороны света. При проведении данного ритуала человек должен обязательно покрывать свою голову шапкой, что символизировало уважение и почтение к хозяевам места. У тувинцев перед важными обрядами также разбрызгивается молоко для угощения духов. В их свадебных обрядах, в отличие от баргузинских бурят, преподносятся также топленое молоко и масло с целью угощения хозяина огня при входе невесты в дом свекрови или в свой новый дом-юрту.

Баранья лопатка является шаманским символом как у бурят, так и у тувинцев, поскольку до прихода буддизма для назначения благоприятной даты и времени для сватовства, отъезда невесты из дома родителей и свадьбы родственники жениха и невесты обращались к шаману, который гадал на бараньей лопатке и назначал дату свадьбы (ПМА: И. Г. Посходиева; Х. С. Санчай) [Кенин-Лопсан, 2006. С. 27].

В период господства шаманизма обряд подношения ритуальной пищи проводили для шаманских защитников – онгонов. Подобные защитники семейного очага у тувинцев – куколки-эвегелчины, освящались шаманами и хранились у изголовья кровати лицом к очагу [Биче-оол, 2018. С. 112–113].

Буддийские символы в свадебной обрядности бурят и тувинцев

Символы буддизма тесно связаны с шаманскими и мифологическими, так как являются наслоением одной традиции на другую. Но сам символ сохранялся, только частично менялась его функция. Отметим буддийское влияние практически на все традиционные обряды бурят и тувинцев в настоящее время. Как правило, родители, узнав о союзе молодой пары, отправляются к ламе для определения совместимости будущих супругов. Хотя ламы не говорят молодым людям о необходимости расторжения союза, но предупреждают о возможных препятствиях в браке. Для всех этапов свадебного цикла: сватовства, подготовки к свадьбе и самой церемонии, ламы высчитывают благоприятные дни и время.

Подношения буддийским божествам являются обязательными перед началом каждого обрядового действия. Само сватовство по-бурятски называется «хадаг табиха», что означает «преподнести хадак (буддийский ритуальный шарф)». Войдя в дом, сваты, не здороваясь, сразу направляются к домашнему буддийскому алтарю с хадаком, кланяются божествам (бур. *бурханда мургэхэ*), преподносят подношения (бур. *далга*), а также поклоняются огню (бур. *галда мургэхэ*), т. е. подносят топленое масло духу огня, брызгая его в домашний очаг. В день свадьбы подношение хадака родителям жениха невестой является одним из символов уважения свекров. Использование ритуальных шарфов (бур. *хадаг*, тув. *кадак*) и *далга* для поднесения буддийским божествам при входе в дом характерно и для тувинцев, поскольку буддийские традиции являются общими для всех.

Новшеством на свадьбах у баргузинских бурят является посещение женихом и невестой в день свадьбы культовых буддийских мест, например Баргузинского дацана, и поклонение богине Янжиге (покровительнице рожениц) у культового камня с ее изображением с просьбой о рождении детей [Лыгденова, 2015]. С недавнего времени для поклонения ради благополучия семьи образу Соодой-ламы (1846–1916 гг.) – самого уважаемого и почитаемого ламы в Баргузинской долине, посещают Барагханский аршан.

Согласно полевым материалам, у баргузинских бурят существовал древний обычай ношения невестой «гуу» – талисмана-оберега, внутри которого лежала молитва или изображение божества (у каждой невесты свое божество, согласно году ее рождения). Ювелирные украшения у тувинцев и бурят являются необходимыми аксессуарами невесты на свадьбе, так как они выполняют функцию оберегов девушки, привозимой в общину жениха. Поэтому часто на украшениях выгравированы узоры, связанные с символами буддизма: колесо сансары, лепестки лотоса, буддийские колокольчики, рыбы и др. Как пишет А. О. Дыртык-оол, «среди тувинцев были распространены серьги в виде лотоса на верхней пластине, от которой опускаются сложные цепочки с колокольчиками на конце» [Тувинские женские украшения..., 2014. С. 20]. Помимо буддийских символов лотоса и колокольчиков на серьгах и браслетах в национальном музее г. Кызыла обнаружены изображения буддийского вечного узла, колеса сансары и рыб.

Заключение

Сравнительное изучение свадебных обрядов у тюркских и монгольских народов на примере отдельных категорий архаичной и религиозной символики нескольких территориальных групп тувинцев и бурят позволяет не только выявить историческую эволюцию и трансформацию свадебной традиции, но и раскрыть взаимосвязи в мировоззрении этих народов. Например, схожие переплетения символов свадьбы и погребального обряда прослеживаются у баргузинских бурят и у тувинцев (изготовление отцом невесты сундуков бурятами и юрты тувинцами для семьи невесты). Они полностью (сундук как гроб) или частично (шесть от юрты) после смерти невесты используются в погребальном обряде. Архаичные культы матери и огня являются общими для обоих этносов. Шаманские и буддийские культовые знаки и символы также идентичны. Сходство диахронных элементов ритуала у тувинцев и бурят указывает на тесное взаимодействие тувинцев с монголами, а бурят – с соседними тюркскими племенами, в том числе и с тувинцами. Примечательно, что многие элементы в обрядах, характерные для тюрков Сибири, присутствуют у баргузинских бурят, которые территориально и исторически больше взаимодействовали с тюркскими племенами (курыкане, якуты), чем буряты и монголы, проживавшие южнее.

Таким образом, проведенное нами сравнительное изучение свадебной обрядности у двух соседних народов дало богатый материал для последующего изучения исторической эволюции у них многих культов, поскольку свадьба, являясь одним из важнейших этапов в жизни человека, неизменно связана с религиозными обрядами инициации, оберега и освящения.

Список литературы

- Биче-оол С. М.** Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан: Журналист, 2018. 128 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.** Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2005. 200 с.
- Галданова Г. Р.** Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. Материалы и исследования. Новосибирск: Наука, 1986. С. 131–159.
- Жуковская Н. Л.** Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 197 с.
- История Тувы. М.: Наука, 1964. Т. 1. 412 с.
- Кенин-Лопсан М. Б.** Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. 232 с.
- Кисель В. А.** Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII – начало XXI в. СПб.: Наука; ООО «Лема», 2009. 142 с.
- Ламажаа Ч. К.** Архаизация общества: Тувинский феномен. М.: Либроком, 2013. 272 с.
- Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры. 1996. 464 с.
- Лыгденова В. В.** Обряды поклонения богине Янжиге в Баргузинском районе Республики Бурятия // Новые исследования Тувы. 2015. № 1. С. 60–66.
- Монгуш М. В.** Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа // Новые исследования Тувы. 2016. № 1. С. 6–8.
- Потапов Л. П.** Очерки народного быта у тувинцев. М.: Наука, 1969. 403 с.
- Сагалаев А. М., Львова Э. Л.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
- Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века) / Подгот. текста, предисл. и коммент. А. К. Кужугет. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002. 224 с.
- Тувинские женские украшения: по выставке «Декоративно-прикладное искусство тувинцев. Серебро» / Авт.-сост. А. О. Дыртык-оол. Кызыл: Аныяк, 2014. 24 с.

Полевые материалы автора

- Ондар Дайгима Астыкпановна (замуж. Даримаа), 1946 г.р., род ооржак, место проживания – с. Маньчжурек, Сут-хольский район Республики Тыва.
- Посходиева Ирина Гомбоевна (замуж. Раднаева), 1942 г. р., род шубтхэй шоно, место проживания – с. Баянгол, Курумканский район Республики Бурятия.
- Санчай Херел-оол Сангович, 1944 г. р., род саньчай, место проживания – с. Арыскан, Каа-Хемский район Республики Тыва.

References

- Biche-ool S. M.** Traditsionnyye brachno-semeinye otnosheniya u tuvintsev i ikh transformatsiya v sovetskii period [Traditional wedding and family relations of Tuvans and their transformation during Soviet Period]. Abakan, Zhurnalist Publ., 2018, 128 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V.** Arkhaicheskie obychai i obryady sayanskih tyurkov [Archaic traditions and rituals of the Sayan Turks]. Abakan, Khakass State Uni. by N. F. Katanov Press, 2005, 200 p. (in Russ.)
- Galdanova G. R.** Struktura traditsionnoi buryatskoi svad'by. Traditsionnaya kul'tura narodov Tsentral'noi Azii. Materialy i issledovaniya [Traditional Buryats' wedding structure. Traditional culture of the peoples of Central Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1986, p. 131–159. (in Russ.)
- Istoriya Tuvy [History of Tuva]. Moscow, Nauka, 1964, vol. 1, 412 p. (in Russ.)

- Kenin-Lopsan M. B.** Traditsionnaya kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]. Kyzyl, Tuvan Publ. House, 2006, 232 p. (in Russ.)
- Kisel V. A.** Poezdka za krasnoi sol'yu. Pogrebal'nye obryady Tuvy. XVIII – nachalo XXI v. [Trip for red salt. Funeral rituals of Tuva. 18th – beginning of the 21st century]. St. Petersburg, Nauka, Lema Publ., 2009, 142 p. (in Russ.)
- Lamazhaa Ch. K.** Arhaizatsiya obschestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society: Tuvan phenomenon]. Moscow, Librokom Publ. House, 2013, 272 p. (in Russ.)
- Lotman Yu. M.** Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside thinking worlds. A person – text – semiosphere – history]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, 464 p. (in Russ.)
- Lygdenova V. V.** Obryady pokloneniya bogine Yanzhime v Barguzinskom raione Respubliki Buryatiya [Rituals of worship towards Goddess Yanzhima in the Barguzinsky District of the Republic of Buryatia]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva], 2015, no. 1, p. 60–66. (in Russ.)
- Mongush M. V.** Traditsionnyi i zapadnyi buddizm v sovremennoi Rossii: opyt sravnitel'nogo analiza [Traditional and western Buddhism in modern Russia: experience of comparative analysis]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva], 2016, no. 1, p. 6–8. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Ocherki narodnogo byta u tuvintsev [Sketches of the everyday life of Tuvans]. Moscow, Nauka, 1969, 403 p. (in Russ.)
- Sagalaev A. M., Lvova E. L.** Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri [Traditional world-view of the Turks of Southern Russia]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 209 p. (in Russ.)
- Traditsionnaya kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX – nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans in the eyes of foreigners (the end of 19th – beginning of the 20th century)]. Edition, Introduction and comments by A. K. Kuzhughet. Kyzyl, Tuvan Publ. House, 2002, 224 p. (in Russ.)
- Tuvinskie zhenskie ukrasheniya: po vystavke “Dekorativno-prikladnoe iskusstvo tuvintsev. Serebro” [Tuvan female accessories: at the exhibition “Decorative-practical arts of Tuvans. Silver”]. Ed. by A. O. Dyrtyk-ool. Kyzyl, Anyyak Publ., 2014, 24 p. (in Russ.)
- Zhukovskaya N. L.** Kategorii i simbolika traditsionnoi kul'tury mongolov [Categories and symbols of traditional culture of Mongols]. Moscow, Nauka, 1988, 197 p. (in Russ.)

Information about the Interviewees

- Ondar Daygima Astykpanovna (marital name Darymaa), born in 1946, Oorzhak tribe, residence – Manchzhurek village, Sut-holyskyi district of the Republic of Tyva.
- Poskhodieva Irina Gomboyevna (marital name Radnayeve), born in 1942, Shubtkhey Shono tribe, residence – Bayangol village of Kurumkanskyi district of the Republic of Buryatia.
- Sanchay Kherel-ool Sangovich, born in 1944, Sanychay tribe, residence – Aryskan village, Kaakhemskyi district of the Republic of Tyva.

Материал поступил в редколлегию

Received
24.03.2020

Сведения об авторах

- Лыгденова Виктория Васильевна**, кандидат философских наук, научный сотрудник отдела Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)
victoria.lygdenova@gmail.com
ORCID 0000-0003-4277-8155

Батонимаева Елена Гурбазаровна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)
vostokelena@mail.ru
ORCID 0000-0001-9180-7229

Information about the Authors

Victoria V. Lygdenova, Candidate of Philosophy, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
victoria.lygdenova@gmail.com
ORCID 0000-0003-4277-8155

Elena G. Batonimaeva, Candidate of Philosophy, Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russian Federation)
vostokelena@mail.ru
ORCID 0000-0001-9180-7229